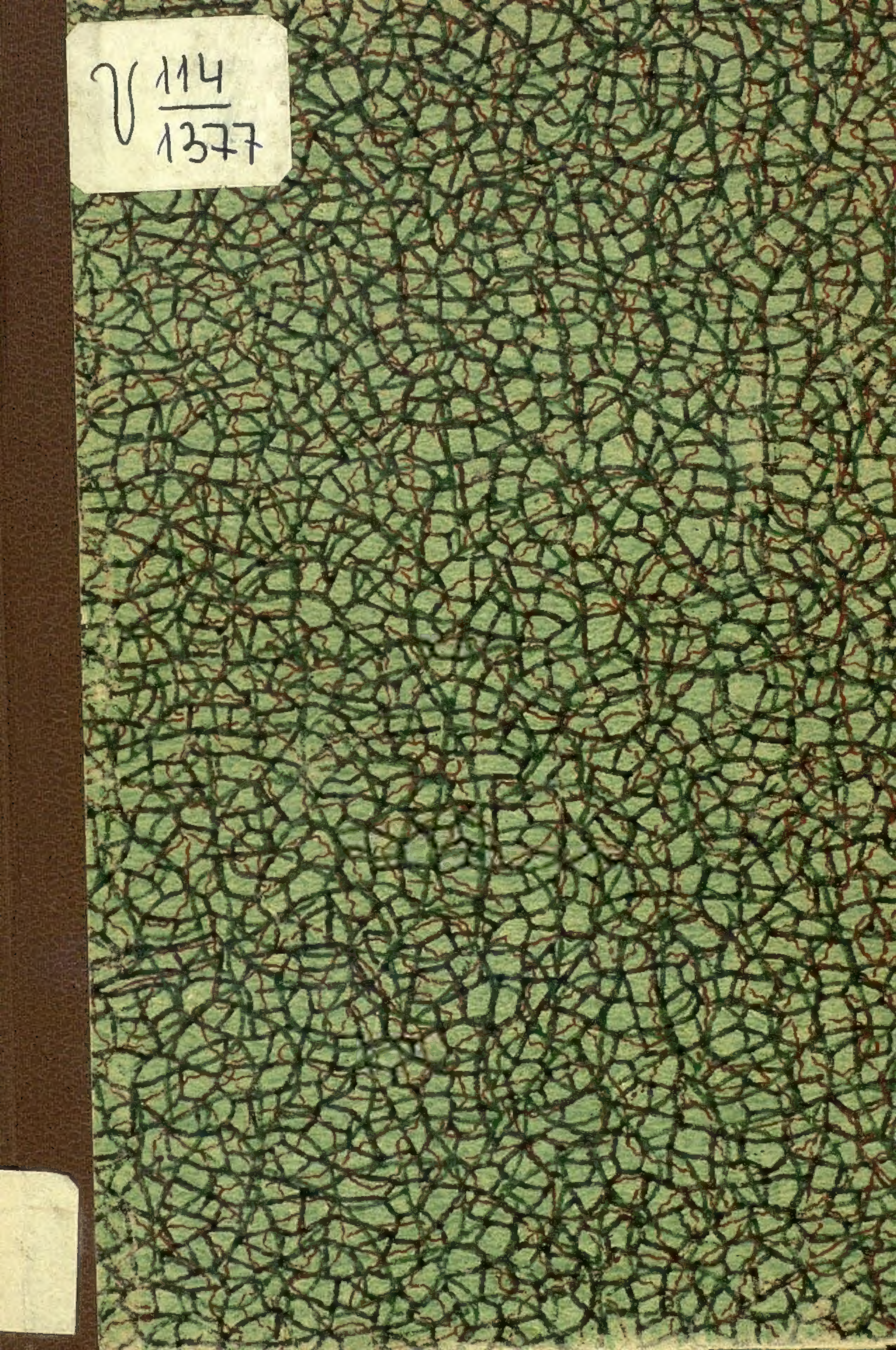

V 114/1377

114
1377

РАЗБОРЪ ПРОФ. П. В. ВЛАДИМІРОВА.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ СКАЗАНІЯ О ПОХОДѢ СѢВЕРСКАГО КНЯЗЯ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА на Половцевъ въ 1185 г.

А. В. Лонгинова.

Изъ отчета о десятомъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1894 году.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1895.

РАЗБОРЪ ПРОФ. П. В. ВЛАДИМІРОВА.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ СКАЗАНІЯ О ПОХОДѢ СѢВЕРСКАГО КНЯЗЯ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА на Половцевъ въ 1185 г.

А. В. Лонгинова.

Изъ отчета о десятомъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1894 году.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1895.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Августъ 1895 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

2007050613

Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ Сѣверскаго князя Игоря Святославича на половцевъ въ 1185 г. А. В. Лонгинова.

Одесса, 1892 г., 261 стр. (Разборъ П. В. Владимірова).

Приступая къ разбору новѣйшаго труда о Словѣ о Полку Игоревѣ, которое въ теченіе истекающаго столѣтія со времени открытія памятника (1795 г.) вызывало множество изданій, переводовъ и изслѣдованій, — не лишнее припомнить два мѣткихъ замѣчанія А. С. Пушкина, на премію имени котораго представлено «Историческое изслѣдованіе» г. Лонгинова: «ошибки и открытія предшественниковъ открываютъ и очищаютъ дорогу послѣдователямъ. . . толкователи (Слова о Полку Игоревѣ) наперерывъ затмѣвали неясныя выраженія своевольными поправками и догадками, ни на чемъ неоснованными» (Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, 1887 г., т. V, стр. 253). Такъ смотрѣлъ величайшій русскій поэтъ, признававшій высокую поэзію въ Словѣ о Полку Игоревѣ, въ 1834 г. на небогатую еще въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи литературу Слова, въ которую онъ и самъ имѣлъ въ виду сдѣлать вкладъ. Я не буду

останавливаться на обширной литературѣ Слова о Полку Игоревѣ до труда г. Лонгинова, такъ какъ я уже разсмотрѣлъ ее въ напечатанномъ первомъ выпускѣ моихъ лекцій и изслѣдованій о Словѣ о Полку Игоревѣ [1]) (Слово о Полку Игоревѣ, Кіевъ, 1894 г.).

Упомянувъ о замѣчаніяхъ А. С. Пушкина, я имѣлъ въ виду указать на значеніе темы, избранной авторомъ разсматриваемаго изслѣдованія, на значительныя затрудненія при ея разработкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ на трезвыя и строгія критическія требованія, какія предъявлялъ еще въ 1834 г. къ изслѣдованіямъ о Словѣ А. С. Пушкинъ. Авторъ разсматриваемаго изслѣдованія, на стр. 261, «сознавая недостатки своего труда, надѣется, что. . онъ удостоится строгой научной повѣрки». Въ виду этого, прежде чѣмъ указать на положительную сторону въ разсматриваемомъ изслѣдованіи, я считаю необходимымъ остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на его промахахъ и ошибкахъ, противопоставить имъ не только болѣе удачныя разъясненія предшественниковъ, но и посильныя собственныя замѣчанія.

Прежде всего нельзя не упрекнуть автора разсматриваемаго изслѣдованія, — состоящаго изъ трехъ главъ, перевода Слова, примѣчаній къ переводу, краткаго послѣсловія къ переводу же и оглавленія, — за отсутствіе какихъ бы то ни было предварительныхъ замѣчаній, въ видѣ введенія или предисловія, о задачахъ его изслѣдованія, о методѣ и пріемахъ, объ отношеніи къ предшествующимъ трудамъ, и т. п. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что *историческое* изслѣдованіе автора соединено съ обширными миѳологическими замѣчаніями и даже съ филологическими разысканіями по поводу отдѣльныхъ выраженій Слова. Останавливаясь на «разборѣ отдѣльныхъ, наиболѣе темныхъ стиховъ Слова», г. Лонгиновъ часто отвлекается въ сторону отъ внѣшняго раздѣленія изслѣдованія по тремъ главамъ, заключающимъ: въ первой главѣ—соображенія о Боянѣ, во второй главѣ—

[1]) Ниже я буду ссылаться на это изданіе по литературѣ предмета.

о Троянѣ, и въ третьей—«о всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся эпизодахъ Игорева похода». Эта неопредѣленность задачи «историческаго изслѣдованія» г. Лонгинова выразилась и въ слѣдующемъ замѣчаніи автора. Упомянувъ о томъ, что разработка Слова подвигается впередъ «черепашьимъ шагомъ» (стр. 8), что «многое въ Словѣ остается донынѣ загадочнымъ» (4 стр.), указавъ нѣсколько «слабыхъ сторонъ» въ выдающихся изслѣдованіяхъ Слова о Полку Игоревѣ, г. Лонгиновъ говоритъ: «считаю не лишнимъ предложить свои посильныя *соображенія* по содержанію *наиболѣе темныхъ отдѣловъ Слова* и возможно точное его переложеніе». Къ отрывочности изложенія присоединяется у автора еще стремленіе къ замысловатымъ выраженіямъ. Приведемъ примѣры того и другого, чтобы показать, какъ не легко извлекать выводы, отвѣты автора на главные вопросы предмета. Г. Лонгиновъ придаетъ большое значеніе рѣшенію вопросовъ о личностяхъ Бояна и Трояна. «Сообщаемымъ авторомъ Слова свѣдѣніямъ о Боянѣ и Троянѣ, говоритъ г. Лонгиновъ (стр. 9), я попытаюсь подвести точный итогъ (?) при помощи сложной аргументаціи, начавъ ее извлеченіемъ изъ *лѣтописей* (курсивъ автора). . . фактовъ изъ міра княжескихъ усобицъ». «Послѣ этого краткаго историческаго обзора. . . займемся разборомъ, говоритъ авторъ далѣе (на стр. 16), наиболѣе темныхъ стиховъ. . . вступительной части Слова». «Препятствія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу при изслѣдованіи Слова, нельзя преодолѣть, пока мы не найдемъ ключа (?) отъ системы поэтической хронологіи Слова» (стр. 17). . . «Разматывая, съ помощью историческаго рычага, грузную цѣпь нанизанныхъ въ повѣсти событій, я нахожу» (118). . . «Чтобы покончить съ вопросомъ о тожествѣ Трояна и Мономаха, *приведемъ въ извѣстность* (?), по даннымъ Слова и лѣтописи, *свойства* вступившей на Троянову землю *обиды* и ея прогрессивное развитіе[1])» (125 стр). . . «Въ

[1]) Въ оглавленіи послѣднее выражено еще замысловатѣе: «свойства вступившей на Троянову землю обиды и ея прозябаніе» (?), (стр. II Оглавленія).

заключеніе разберемъ три стиха Слова» (227 стр.), и т. п. Ниже я укажу у автора символическія и аллегорическія толкованія Слова, которыя еще болѣе затемняютъ «историческое изслѣдованіе» Слова о Полку Игоревѣ.

Итакъ нельзя не высказать сожалѣнія, что авторъ разсматриваемаго изслѣдованія не присоединилъ къ нему ни введенія, ни заключенія съ выводами. Обращаясь къ послѣднимъ, я остановлюсь прежде всего на вопросѣ о происхожденіи Слова о Полку Игоревѣ. Поглощенный разборомъ «наиболѣе темныхъ отдѣловъ» Слова, г. Лонгиновъ оставилъ въ сторонѣ этотъ вопросъ; но изъ отдѣльныхъ разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ изслѣдованія замѣчаній его можно заключить, что онъ вполнѣ раздѣляетъ извѣстный взглядъ на происхожденіе Слова о Полку Игоревѣ (противъ котораго было высказано не мало возраженій въ литературѣ), какъ на пѣсню, записанную послѣ того, какъ она была сложена устно. Вотъ выраженія автора въ этомъ направленіи въ разныхъ мѣстахъ его изслѣдованія: «Слово драгоцѣнный памятникъ *пѣсеннаго* творчества» (стр. 3); Слово появилось въ 1185 г. (7), какъ «эпическое твореніе русскаго *пѣвца*» (8); «пѣвецъ руководился старыми былинными сказаніями» (стр. 21; срв. 4 стр. «былинный сводъ событій за 125 лѣтъ, отъ 1061 до конца 1185 г.»); «Слово пѣлось на пирахъ» (22); «отличительное качество Слова о Полку Игоревѣ, по роду источниковъ, состоитъ въ томъ, что въ канвѣ его, въ изложеніи былинъ, вовсе не существуетъ слѣдовъ *письменнаго* (курсивъ автора) элемента» (24); «пластическій языкъ Слова представляетъ наслоенія, которыя я объясняю: отчасти условіями устной передачи, отчасти согласно съ общепринятымъ мнѣніемъ о вліяніи переписчиковъ, сводя его, впрочемъ, исключительно къ діалектическимъ особенностямъ правописанія и опущенію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквъ, но болѣе всего — талантомъ самого автора, умѣвшаго художественно сочетать формы живого древне-русскаго языка съ церковно-славянскимъ, подчиняя ихъ своенравнымъ изгибамъ своей мысли» (стр. 52—53), «пѣвецъ заимствовалъ поэтическіе

образы изъ пѣсеннаго творчества, уже ранѣе процвѣтавшаго, давъ имъ высоко-художественную группировку» (72); «если авторъ Слова внесъ въ свою повѣсть обломки древне-русскаго миѳологическаго эпоса въ видѣ былинъ, съ именами русскихъ языческихъ боговъ, то это вызывалось *уваженіемъ* его къ народнымъ преданіямъ и убѣжденіямъ и условіями поэтическаго творчества, а не вѣрою въ языческія божества. Религіозная идея Божьяго правосудія и политическая теорія *единства русской* земли подъ верховною властью старшаго князя, вложенная въ двѣ знакомыя намъ притчи (Бояна), вотъ коренные принципы, на которыхъ зиждется вся поэтическая философія пѣснотворца стараго времени (Бояна), воспринятая и разработанная по былинамъ пѣвцомъ (Слова о Полку Игоревѣ) новаго времени» (89 стр.); «списки Слова, появившіеся, вѣроятно, въ концѣ XII стол., въ самомъ началѣ XIV ст., были въ сѣверно-русскихъ библіотекахъ» (115 стр.); «пѣвецъ близко былъ поставленъ къ великому князю кіевскому и изучилъ его натуру» (198 стр.); «пѣвецъ располагалъ событія сообразно былинному матеріалу и своимъ личнымъ впечатлѣніямъ» (199); «правдивый и задушевный разсказъ пѣвца по современнымъ ему былинамъ» (206); «*первоисточникомъ* утраченной рукописи могла быть устная передача пѣсеннаго Сказанія о Полку Игоревѣ. Будучи тщательно записано какимъ-либо образованнымъ любителемъ, оно, естественно, могло на письмѣ сохранить и въ частностяхъ отпечатокъ малорусскаго произношенія... Если текстъ Слова дошелъ до насъ по списку, воспринявшему со всею точностью устную передачу, чего нельзя отвергать, то, безъ сомнѣнія, первоначально оно было записано вскорѣ послѣ Игорева похода, никакъ не позднѣе конца XII в... Будь Слово записано позднѣе, оно навѣрное подверглось бы измѣненіямъ, урѣзкамъ и дополненіямъ примѣнительно къ позднѣйшимъ обстоятельствамъ... При неоднократной перепискѣ Слова древнія формы языка его нѣсколько пострадали... переписывалось Слово не такъ часто, какъ лѣтописи, ибо оно къ концу XIV в. во многихъ отношеніяхъ стало

непонятнымъ» (230—231 стр.); «пѣсенный мѣрный складъ Слова самъ по себѣ служилъ надежнымъ предохранительнымъ средствомъ отъ произвольныхъ передѣлокъ» (232); «языкъ Слова въ своемъ *источникѣ* есть языкъ малорусскій, хотя, будучи переписано гдѣ нибудь въ Ростовской или иной области, оно могло воспринять и нѣкоторую примѣсь нарѣчія великорусскаго» (250 стр.); «живой народный языкъ — лучшее украшеніе Слова» (261).

Принявъ этотъ взглядъ на происхожденіе Слова (вѣроятно преимущественно отъ Огоновскаго — «Слово о Полку Игоревѣ», Львовъ, — изданіе и объясненія котораго г. Лонгиновъ называетъ «капитальными», стр. 231, прим. 2), авторъ разсматриваемаго изслѣдованія представляетъ такую картину историческаго развитія древнерусской поэзіи, къ которой непосредственно примыкаетъ Слово о Полку Игоревѣ. «Былины складывались среди суевѣрной и грубой толпы солнцепоклонниковъ» (163 стр.); къ числу такихъ народныхъ былинъ, которыми воспользовались лѣтописи и Слово, относится былина о волкообразномъ Всеславѣ (163—167); «авторъ Слова дробитъ эту былину на двѣ части» (164). Это отдаленная богатырская область эпоса, нашедшая выраженіе въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ эпическаго характера о древнѣйшихъ временахъ»; «дѣянія богатырей всякаго происхожденія» (39 стр.) продолжали прославлять и въ эпоху первыхъ княжескихъ усобицъ, когда явились «пѣсни, слагавшіяся многими дружинными пѣвцами по памятнымъ преданіямъ съ незначительной долей свободнаго творчества, съ отраженіемъ мѣстныхъ областныхъ интересовъ» (43). Г. Лонгиновъ допускаетъ вліяніе скандинавскихъ сагъ на эти древнѣйшія пѣсни и сказанія (стр. 65—66). Къ этой эпохѣ примыкаетъ княжеско-дружинный эпосъ временъ Ярослава I. Представителемъ другой эпохи княжеско-дружиннаго эпоса является Боянъ (котораго, согласно съ Вельтманомъ, г. Лонгиновъ готовъ отождествить съ лѣтописнымъ Яномъ, стр. 91). Боянъ, воспѣвая князей эпохи Владиміра Мономаха-Трояна «по строго *обдуманному* плану», «систе-

матически преслѣдуя широкіе государственные идеалы» (43 стр.), съ назидательнымъ тономъ (45), давалъ перевѣсъ въ своихъ пѣсняхъ миѳологическому элементу надъ историческимъ (45); онъ «перерабатывалъ народныя миѳологическія вѣрованія первобытнаго эпоса» (46). Отсюда-то г. Лонгиновъ объясняетъ и миѳологическій элементъ Слова о Полку Игоревѣ, какъ «остатки Бояновa творчества» (65). Авторъ-пѣвецъ Слова, въ противоположность этому миѳологическому творчеству Бояна, почерпаетъ «свѣдѣнія преимущественно изъ родника народныхъ сказаній», онъ держится «почвы народныхъ былинъ» (45); онъ дѣлаетъ сводъ былинъ (24); онъ вноситъ въ этотъ сводъ и «плоды своего творчества» (188), съ замѣчательными поэтическими пріемами «тонкаго психолога-поэта» (49 стр.), пѣвца съ «интенсивностью чувства и обширнымъ умственнымъ кругозоромъ» (стр. 126). Казалось бы, эти выводы даютъ цѣльное представленіе объ опредѣленномъ взглядѣ автора на происхожденіе Слова о Полку Игоревѣ. А между тѣмъ, если собрать другія замѣчанія его по этому же вопросу, то окажутся нѣкоторыя противорѣчія. Въ эти противорѣчія г. Лонгиновъ долженъ былъ впасть, слѣдуя разнообразнымъ мнѣніямъ въ литературѣ предмета (къ которой онъ отнесся не вполнѣ критически) и желая точнѣе опредѣлить въ Словѣ отношеніе исторіи къ миѳу, искусственной поэзіи — къ народной. Назвавъ свое изслѣдованіе «историческимъ», авторъ оставилъ безъ вниманія одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ для объясненія Слова — русскую народную поэзію, и даже шире — народную поэзію славянскихъ и другихъ народовъ[1]). Я приведу ниже примѣры того, какъ важенъ этотъ источникъ для объясненія стиля и даже содержанія Слова. Согласно своей «исторической» — узко понятой задачѣ, авторъ разсматриваемаго

---

[1]) На стр. 130 и далѣе г. Лонгиновъ, отмѣчая нѣкоторыя сопоставленія дѣвы-обиды съ образами народной поэзіи, высказывается противъ этихъ сопоставленій; изрѣдка онъ ссылается уже на указанные примѣры изъ русской народной поэзіи, но только для объясненія отдѣльныхъ выраженій Слова.

изслѣдованія открываетъ историческіе факты въ такихъ предполагаемыхъ символическихъ и аллегорическихъ образахъ, которые вполнѣ объясняются изъ условій народнаго пѣсеннаго творчества. Если присмотрѣться къ пособіямъ автора, то легко замѣтить, что онъ отдаетъ особенное предпочтеніе лѣтописямъ и вообще древнерусской письменности. Но эти пособія естественно должны были привести автора къ указанію книжныхъ элементовъ въ Словѣ. И дѣйствительно, г. Лонгиновъ указываетъ нѣкоторые книжные элементы въ Словѣ (на стр. 27, прим. 1; 35 вліяніе церковнаго пѣснопѣнія; 36 знакомство автора Слова съ твореніями І. Златоустаго; 47, 50 Даніилъ Заточникъ, Бесѣда трехъ святителей; 51—52; 66—67 вліяніе на Слово Гомера; 73—76 папорзи и шестокрыльци — церковнаго, византійско-болгарскаго происхожденія; 103, 116, 142 прим. 2 и друг.), говоритъ даже о «системѣ риторической терминологіи» въ Словѣ (47 стр.). Такимъ образомъ онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ вышеприведенными односторонними заключеніями о пѣсенномъ, устномъ происхожденіи Слова, объ отсутствіи въ немъ слѣдовъ *письменнаго* элемента (24 стр.). Еще болѣе рѣзкое противорѣчіе является у автора въ разграниченіи въ Словѣ историческихъ элементовъ отъ миѳологическихъ. Уже съ первыхъ строкъ своего «историческаго изслѣдованія» авторъ даетъ понять, какое важное мѣсто отводитъ онъ въ Словѣ «системѣ народной философіи», выразившейся въ изображеніи двухъ началъ — свѣта и мрака: «русская земля, обреченная на тяжкое испытаніе, отдается временно во власть представителя тьмы — злобнаго существа Дива, но, благодаря покаянію Игоря и мольбамъ жены его Ярославны, снова озаряется благодатнымъ свѣтомъ» (стр. 3). На стр. 109 г. Лонгиновъ опредѣленно высказывается за широкіе миѳологическіе выводы изъ Слова: «космогонической идеей борьбы свѣта и теплоты съ тьмою и холодомъ, начала животворнаго съ началомъ смертоноснымъ, проникнута почти вся повѣствовательная часть нашего Слова. Видоизмѣняясь въ былинномъ его составѣ подъ угломъ зрѣнія національныхъ миѳическихъ воззрѣній, она

придаетъ ему неподражаемую поэтическую прелесть». Не говоря уже объ именахъ языческихъ божествъ въ Словѣ, г. Лонгиновъ съ своей миѳологической точки зрѣнія отыскиваетъ миѳы и въ словѣ «рѣчь» въ извѣстномъ мѣстѣ: «помняшеть бо рѣчь (вм. речь) пръвыхъ временъ усобицѣ»; «представленіе автора Слова о древнѣйшей пѣсенной рѣчи восходитъ, чрезъ промежуточныя ступени, къ составляющему содержаніе многихъ гимновъ въ Ригъ-Ведахъ миѳу о *Рѣчи*, какъ плодоносномъ божествѣ... Слѣды этого миѳа отразились въ Словѣ», и проч. (42 стр.). Авторъ видитъ «солнечную природу» не только въ Троянѣ, но и въ князьяхъ несчастнаго похода 1185 г. — въ Игорѣ, въ Всеволодѣ (177). Увлеченіе миѳологіей доходитъ до того, что авторъ, разбирая волкообразную природу вѣщаго князя Всеслава, говоритъ «о поразительной чуткости Всеслава къ заутреннему звону, призывавшему *на служеніе Хорсу въ Полоцкѣ*» (153). Изъ выраженій Слова о Полку Игоревѣ объ Олегѣ Гориславличѣ «тъй бо Олегъ мечемъ крамолу *коваше*» (какъ: «князи сами на себѣ крамолу *коваху*») г. Лонгиновъ выводитъ сопоставленіе Олега съ «кузнецомъ Вулканомъ (братомъ Юпитера), который, по нашимъ хронографамъ, будучи брошенъ своею матерью, *ковалъ* панцыри богамъ противъ гигантовъ» (стр. 15). Не проще ли обратиться за разъясненіемъ этого выраженія къ библейскимъ старославянскимъ выраженіямъ: «коую мысли зълы», «коветь злая»; или къ такимъ замѣчательнымъ выраженіямъ церковныхъ памятниковъ, какъ «на небеси кованъ бѣ славне мечь» (Мин. Пут. XI в.), «коваху бѣды» (Минея 1097 г.). См. «Матеріалы для Словаря древне-русскаго языка», И. И. Срезневскаго, вып. 3.

И здѣсь, въ области миѳологическихъ разысканій, мы видимъ отсутствіе у автора сравненій съ народными преданіями, съ народной поэзіей. Вмѣсто этихъ законныхъ средствъ извлеченія миѳологическихъ толкованій, къ которымъ можно бы присоединить и болѣе широкія историческія разысканія, авторъ прибѣгаетъ къ старинымъ пріемамъ раскрытія въ миѳахъ—символовъ и аллегорій. Этимъ легкимъ способомъ авторъ дѣлаетъ

открытіе въ лицѣ «великаго Хорса», которому «прерыскивалъ путь ночью волкомъ Всеславъ» — великаго князя Изяслава Ярославича (стр. 152—155: «Такимъ великимъ княземъ Хорсомъ въ описываемое время никто иной и не могъ быть, кромѣ Изяслава Ярославича, проходившаго тогда *путь великаго княженія* Кіевскаго, ибо княженіе представлялось *путемъ*»). — Я уже говорилъ о томъ, что г. Лонгиновъ придаетъ особенное значеніе изученію Слова въ «историческомъ» отношеніи, въ связи съ лѣтописями и съ другими памятниками древне-русской письменности (стр. 143). «Историческій элементъ Слова, говоритъ онъ въ самомъ началѣ своего труда (стр. 6), первенствующій въ немъ по своей важности, недостаточно еще разъясненъ, — за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ эпизодовъ, хорошо освѣщенныхъ научною критикою». Остановимся на этой главной задачѣ автора разсматриваемаго «Историческаго изслѣдованія сказанія о походѣ Игоря Святославича въ 1185 г.» Авторъ не даетъ въ этомъ отношеніи цѣльнаго труда: онъ отказывается «входить въ мелочный разборъ воззванія пѣвца къ князьямъ» (стр. 202), онъ не останавливается на подробной и цѣльной характеристикѣ состоянія княжествъ и ихъ представителей за разсматриваемое время, онъ не ищетъ въ лѣтописяхъ и въ Словѣ, за немногими исключеніями, того «обильнаго матеріала для изученія государственнаго, общественнаго, религіознаго и даже семейнаго быта древней Руси», какой указываетъ въ началѣ своего труда (4 стр.). Внимательное изученіе Слова въ связи съ лѣтописями и другими памятниками древне-русской письменности ушло у автора на увлекавшія его «соображенія по объясненію наиболѣе темныхъ отдѣловъ Слова» (9 стр.). Въ трудѣ г. Лонгинова разсыпано множество сопоставленій отдѣльныхъ выраженій Слова съ лѣтописными и съ выраженіями различныхъ памятниковъ древнерусской письменности — матеріалъ, отчасти уже вошедшій въ историческіе словари (Срезневскаго; Барсова — неоконченный Словарь къ Слову о Полку Игоревѣ), отчасти — совершенно новый. Объ этихъ сопоставленіяхъ мы скажемъ дальше, а теперь оста-

новимся на болѣе или менѣе цѣльныхъ историческихъ вопросахъ, затронутыхъ г. Лонгиновымъ, какъ-то: объ отношеніи Слова о Полку Игоревѣ къ лѣтописямъ, объ отношеніи автора Слова и Бояна къ в. кн. Владиміру Мономаху, въ лицѣ котораго г. Лонгиновъ открываетъ загадочнаго «Трояна», объ историко-географическихъ подробностяхъ несчастнаго похода Игоря Святославича въ 1185 г., о нѣкоторыхъ частностяхъ, въ родѣ разысканій о князьяхъ, народахъ и мѣстностяхъ, упоминаемыхъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

Отношеніе Слова о Полку Игоревѣ къ лѣтописямъ, какъ и вопросъ о происхожденіи Слова, затрогивается г. Лонгиновымъ въ разныхъ мѣстахъ его изслѣдованія. Авторъ видитъ сходство Слова и лѣтописи не только въ разсказѣ о событіи 1185 г. (причемъ признаетъ вліяніе Слова на лѣтопись: стр. 25, прим. 3; 124), но и въ общихъ отношеніяхъ. Подобно лѣтописному своду, Слово представляетъ былинный сводъ (стр. 24—25), хотя много былинъ отразилось и въ лѣтописи; но зато въ Словѣ нѣтъ слѣдовъ *письменнаго* элемента. И въ Словѣ и въ лѣтописи г. Лонгиновъ отмѣчаетъ притчи (55—57), извѣстія эпическаго характера, относящіяся къ древнѣйшимъ временамъ, и сходство ихъ съ скандинавскими сагами (66), пѣсенный складъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣтописи (69) и во всемъ Словѣ; черты книжности (72 и др.), одинаковыя описанія княжескихъ усобицъ и нашествій половцевъ (стр. 9 и д.), одинаковое отношеніе къ Владиміру Мономаху (стр. 137—147—148).

Я уже указывалъ выше противорѣчіе во взглядѣ автора на отношеніе книжныхъ элементовъ въ Словѣ къ устному пѣсенному происхожденію его. Точно также авторъ не выяснилъ для себя вопроса объ отношеніи лѣтописи къ старымъ русскимъ пѣснямъ и въ частности къ Слову о Полку Игоревѣ[1]). А между

---

[1]) По мнѣнію г. Лонгинова «Галицко-Волынская лѣтопись *переполнена* описаніями походовъ, извлеченными изъ славныхъ *пѣсенъ*» (стр. 72). То же самое онъ видитъ и во многихъ мѣстахъ другихъ лѣтописей (стр. 67—70, 147—148, и др.).

тѣмъ лѣтопись представляетъ драгоцѣнный источникъ для объясненія Слова въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Еще Соловьевъ въ Исторіи Россіи въ III томѣ мѣтко замѣтилъ объ особенномъ вниманіи лѣтописи къ героямъ Слова о Полку Игоревѣ, несмотря на нхъ второстепенное значеніе, — что объясняетъ появленіе самого Слова; а извѣстныя капитальныя изслѣдованія о лѣтописяхъ И. И. Срезневскаго, М. И. Сухомлинова, К. Н. Бестужева-Рюмина и др., раскрыли отношеніе лѣтописей къ книжнымъ и устнымъ источникамъ. Теперь уже нечего доказывать, что въ лѣтописяхъ находятся не только записи современниковъ и очевидцевъ, но и пересказы устныхъ преданій съ оттѣнками народной поэзіи. Однако и теперь еще нелишнее опредѣлить дѣйствительныя черты народной поэзіи и такъ наз. дружинныхъ поэтическихъ преданій въ лѣтописяхъ и отдѣлить ихъ отъ прозаическихъ устныхъ разсказовъ, въ передачѣ которыхъ могли также отразиться черты стариннаго образнаго языка. Отмѣчу прежде всего немногія несомнѣнныя черты и пѣсеннаго размѣра, и поэтическихъ подробностей въ лѣтописныхъ разсказахъ. Подъ 1233 г. въ Новгородской лѣтописи по харатейному Синодальному списку находимъ слѣдующій отрывокъ изъ пѣсни, вполнѣ соотвѣтствующій складу нѣкоторыхъ мѣстъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ: «Прѣставися князь Феодоръ, сынъ Ярославль вячьшии... и еще младъ. И кто не пожалуеть сего? — *сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позвани* [1]) (ср. въ Словѣ: «пути имъ ведоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжены, тули отворены, сабли изъострени», и проч.) и бысть въ веселия мѣсто плачь и сѣтование за грѣхы наша» (изд. Археогр. Ком. 1888 г., стр. 242). Приведемъ и соотвѣт

---

[1]) Приведемъ и варіанты этого мѣста по другимъ спискамъ. Во 2-ой Новгородской лѣтописи: «понеже бѣ свадба пристроена, медъ сыченъ и невѣста приведена, а князи призвани» — здѣсь очевидна передѣлка книжника и отчасти, можетъ быть, варіантъ народной пѣсни. Въ Тверской Лѣтописи (П. С. Р. Л. XV т., 361 стр.): «свадба приготовлена, и невѣста приведена, князи съзвани».

ствующіе примѣры изъ русской народной поэзіи. Въ «Древнихъ Россійскихъ Стихотвореніяхъ» (Кирши Данилова): «А князи собиралися, бояра съѣзжалися и дворяне сходилися» (№ XXX); «и ограда крѣпка, избушка заперта» (LVIII); въ «Сборникѣ Украинскихъ пѣсенъ» Максимовича, ч. 1, 1849 г., стр. 36: «Ваша вѣра погана, Земля проклята»!

Иную древнюю пѣсенную форму находимъ въ двухъ характеристикахъ Начальной лѣтописи князей Святослава († 972) и Мстислава († 1034). Подъ 964 г. читаемъ: Князь Святославъ «нача воя съвокупляти многы и храбры, бѣ бо и самъ хоробръ и легокъ, ходя акы пардусъ, *воины многы творяше. Возъ бо по себѣ не возяше, — ни котла, ни мясъ варя (ше?), — но потонку изрѣзавъ конину, или звѣрину, или говядину, на углехъ испекъ, ядяше; — ни шатра имяше, — но подъкладъ постилаше, а сѣдло въ головахъ»*. Подъ 1034 г. Мстиславъ «храбръ на рати, и милостивъ, — *и любяше дружину повелику, а имѣния не щадяше, — ни питья, ни ядения не браняше»*. Это выраженіе объ отношеніи князя къ дружинѣ съ нѣкоторыми измѣненіями становится стереотипнымъ, напр. 1172 г. (Ипатьев. лѣтопись): «князь Ростиславичь Святославъ... имѣяше дружину и имѣнья не щадяше, не сбираше злата и сребра, но даваше дружинѣ»; 1197 г. Давыдъ сынъ Ростиславль «злата и сребра не сбираеть, но даеть дружинѣ». Такой же пѣсенный складъ находимъ и въ началѣ Галицко-волынской лѣтописи (Ипатьевск.), подъ 1201 г. въ замѣчательной характеристикѣ Романа: «*и губяше яко и коркодилъ, — и прехожаше землю ихъ яко и орелъ, — храборъ бо бѣ яко и туръ, — ревноваше бо дѣду своему Мономаху*», и проч. Приведемъ нѣкоторыя соотвѣтствующія мѣста изъ Слова о Полку Игоревѣ; разумѣется, изъ современной народной поэзіи нельзя привести примѣровъ, такъ какъ въ ней нѣтъ уже такихъ формъ прошедшаго времени, какія могли употребляться еще въ XI—XII вв.: «который дотечаше, та преди пѣсь пояше... Боянъ же.. не 10 соколовь... пущаше, нъ своя вѣщіа прьсты въскладаше... Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами,

погибаетъ жизнь». Нельзя не привести еще и несомнѣннаго пѣсеннаго выраженія изъ Поученія Владимира Мономаха по Лаврентьевской лѣтописи, подъ 1096 г.: *«и сядеть акы горлица на сусѣ древѣ желѣючи»*.

Не лишены значенія и слѣдующіе позднѣйшіе (XIV—XV вв.) лѣтописные образцы передачи народныхъ пѣсенъ (П. С. Р. Л. IV т., стр. 73 и 80, 1378—80 гг.): «а ѣздять порты своя съ плечь спустя, а петли растегавъ, аки распрѣли, бяше бо имъ варно... а гдѣ наѣхаша въ зажитіи медъ и пиво, испиваху допьяна безъ мѣры, и ѣздять пьяни, поистинѣ за Пьяною (рѣкою) пьяни»[1];

И рече Мамай къ собѣ:
Власи наши растерзаются,
Очи наши не могутъ огненныхъ слезъ источати,
Языци наши связаются,
Гортань ми пресыхаеть и сердце раставаеть,
Чресла ми растерзаются,
Колѣна ми изнемогають,
А руцѣ оцѣпенѣвають.

Я разложилъ послѣдній образецъ на стихи. Эти стихи близки къ народнымъ «духовнымъ» стихамъ. Для насъ любопытна ихъ форма по лѣтописи.

Но отъ такихъ несомнѣнныхъ выдержекъ изъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ надо отличать лѣтописные пересказы съ нѣкоторыми поэтическими чертами, которые могли произойти изъ устныхъ прозаическихъ пересказовъ, какъ, напримѣръ, извѣстные разсказы Начальной лѣтописи объ Олегѣ, Ольгѣ, о борьбѣ печенѣжскаго богатыря (подъ 993 г.) съ отрокомъ у Переяславля, о походахъ на Половцевъ, напр. подъ 1172—1173 г., и

---

[1]) Въ первой Софійской лѣтописи это мѣсто еще ближе къ пѣснѣ: «а ѣздятъ порты съ плечъ спущавъ, а медъ испиваху и допьяна и ловы дѣяху утѣху творяще. А въ то время поганіи князи Мордовскіе подведоша втай рать Татарскую».

проч. Въ послѣднемъ разсказѣ, напр., три раза повторяется одна и та же фраза: «много-ли вашихъ назадѣ?», которую задаютъ Половцамъ немногочисленные русскіе храбрецы, поражавшіе три раза массы половцевъ. Подобныя повторенія встрѣчаются еще, напримѣръ, въ Ипатьевск. лѣтописи: подъ 1151 г. (изд. 1871 г., стр. 301) «переже въ Дюргя въ бубны в полку и въ трубы въструбиша, *полци же начаша доспѣвати*; такоже у Вячьслава, и у Изяслава, и у Ростислава почаша бити въ бубны и въ трубы трубити, *полци же начаша доспѣвати*» (ср. въ Словѣ о П. И.: «Олговичи храбрыи князи *доспѣли* на брань»). Мы не будемъ приводить здѣсь множества отдѣльныхъ выраженій лѣтописи, соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ выраженіямъ Слова о Полку Игоревѣ, на которыя уже не разъ обращали вниманіе изслѣдователи Слова (напр. Е. В. Барсовъ, разсматривавшій эти выраженія, какъ особенности древнерусскаго дружиннаго языка, дружинной школы. Отчего же нельзя думать, что эти выраженія были общимъ достояніемъ древнерусскаго языка?). Но не можемъ не отмѣтить такихъ образныхъ загадочныхъ выраженій, которыя, безъ сомнѣнія, вырабатывались среди выдающихся дружинниковъ, какъ слѣдующія (Начальная лѣтопись, подъ 1016 г.; по «Сводной лѣтописи» Лейбовича, стр. 116): «посла Ярославъ отрокъ свой къ мужу Святополка, рече къ нему: «онь сій, что ты тому велиши творити? — меду мало варено, а дружины много», и отрече ему мужь той: «рци тако Ярославу: да аще меду мало, а дружины много, да къ вечеру дати». И разумѣвъ Ярославъ, яко въ нощь велитъ сѣчися» (Ср. въ Словѣ: «ту кроваваго *вина* не доста; ту *пиръ* докончаша храбрыи Русичи»; не приводимъ здѣсь множества подобныхъ же уподобленій битвы — пиру, попойкѣ въ народной поэзіи русскихъ, славянъ и другихъ народовъ, напр. въ былинахъ, въ думахъ, въ Нибелунгахъ, и проч.); въ Ипатьевской Лѣтописи, 1217 г.: «Слово гордаго Фили: — острый мецю (= мечю), борзый коню — многая (= многа я?) Руси»; въ Новгородской лѣтописи, подъ 1224 г. — «Гюрги рече посломъ: выдайте ми... не выдадите ли, а я поилъ есмь коне

Тхьвѣрью, а еще Волховомь напою... крови не проливай княже» (говорятъ на это послы). Ср. въ Словѣ: «хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону», и въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1201 г.: «тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ шоломомь Донъ». Послѣднее выраженіе, какъ и нѣкоторыя вышеприведенныя подъ 1201 г. въ Галицко-Волынской лѣтописи, несомнѣнно пѣсеннаго происхожденія.

Итакъ, мы указали одинаковые древніе пѣсенные элементы и въ лѣтописяхъ и въ Словѣ, упомянули объ одинаковомъ особенномъ вниманіи лѣтописи и Слова къ несчастному походу 1185 г. и его героямъ; укажемъ еще и общія черты въ упоминаніяхъ объ языческихъ вѣрованіяхъ, о древнѣйшихъ князьяхъ X—XI вв. въ лѣтописныхъ разсказахъ XII—XIII вв., о рѣкѣ Дунаѣ. Извѣстно, что миѳологія Слова (Даждь-Богъ, Хорсъ, Велесъ, Стрибогъ, и друг.), повидимому, противорѣчитъ и общему направленію древнерусской литературы, — враждебному всему языческому, бѣсовскому,—и вѣроисповѣданію автора Слова, безъ всякаго сомнѣнія — христіанскому. Если даже не говорить о народныхъ пѣсняхъ, о народныхъ вѣрованіяхъ, въ которыхъ такъ долго жило язычество (приведемъ замѣчательное упоминаніе Харона, какъ проводника человѣческихъ душъ на тотъ свѣтъ, въ современныхъ ново-греческихъ пѣсняхъ; см. напр. А. А. Дмитріевскаго: Патмосскіе очерки, стр. 250), то достаточно указать на лѣтописныя упоминанія объ язычествѣ: о богахъ и мѣстахъ, на которыхъ стояли кумиры боговъ (въ Кіевѣ, въ Новгородѣ, и др.), о названіяхъ нѣкоторыхъ дней и недѣль (напр. Ипатьевская лѣтопись, 1177 г.: «придоша Половци на русскую землю на *русалной* недѣли»; то же самое подъ 1174, 1195, 1262 гг.: «накапунѣ Ивана дня на самая *купалья*», 1262 г. и друг.), — чтобы понять, какъ языческіе представленія и обряды, которые продолжали жить въ народной массѣ, находили откликъ и въ представленіяхъ древнерусскихъ книжныхъ людей (напр. у лѣтописцевъ), особенно при описаніяхъ и изображеніяхъ несчастій и необъяснимыхъ природныхъ явленій. Лѣтописцы XI—

XII вв., разсказывая о смерти в. кн. Олега (912 г.), о рожденіи полоцкаго князя Всеслава (1044 г.), высказываютъ неподдѣльное удивленіе тому, что «сбывается» по волхвованію, по чародѣйству; подъ 1092 г. передается въ лѣтописи о томъ, какъ убиваютъ по ночамъ въ Полоцкѣ людей невидимые «навье» на коняхъ; подъ 1109 г. въ Кіевѣ «явися на церкви Михаила Златоверхаго птица незнаема величествомъ бѣ со овна и сіаше всякими цвѣты и пѣсни безпрестанно и много сладости имуще изношашеся отъ нея» (нѣчто въ родѣ сказочной жаръ-птицы). Точно также лѣтописцы вѣрили, что «знаменья на зло» бываютъ не только отъ солнца и звѣздъ, но и отъ «птицъ» и др. (см. подъ 1065 г.). Еще въ XV—XVI вв. въ Воскресенской и Псковской I лѣтописяхъ находимъ слѣдующіе разсказы: 1467 г. (Воскр.) о томъ, какъ выло озеро Ростовское по ночамъ, «какъ въ шестерѣ молотятъ или въ осмерѣ и напослѣ протяжено застучитъ»; 1472 г. (Воскр.) хвостъ великой звѣзды — «аки хвостъ великіа птицы распростреся»; 1567 г. (Псков.) два мѣсяца на небеси ночью ударились и одинъ у другого хвостъ отшибъ, и пр.; 1554 г. (Псков.) звѣзда на небѣ подобная змѣю, и проч. Если подобныя «предивныя» толкованія попадали въ монастырскія лѣтописи, то какъ же они не могли отразиться въ Словѣ о Полку Игоревѣ, когда ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, поддерживали еще старинныя русскія пѣсни, и народныя и дружинныя? Языческое міровоззрѣніе и въ лѣтописи, и въ Словѣ, это—дымка легенды, въ которую облекается все темное, страшное, загадочное. Естественно, что этой дымкой окуталось страшное пораженіе Игорева полка и плѣнъ всѣхъ князей въ «землѣ незнаемѣ», въ полѣ Половецкомъ.

Какъ въ Словѣ упоминаются и старый Владимиръ, и старый Ярославъ и другіе князья XI в., такъ и въ лѣтописяхъ не только замѣчательные князья возводятся къ дѣдамъ и прадѣдамъ — до Ярослава и Владимира Св.; но и упоминаются событія и преданія изъ временъ «Святослава Хоробраго» (1254 г.), «Владиміра и Рогнѣды» (1128); Полоцкій князь Всеславъ, извѣстный ча-

родѣй по Слову о П. И., да и по лѣтописи (1044 г.) связанный съ волхвованіемъ, упоминается подъ 1147, 1180 гг. Память о первыхъ временахъ и первыхъ князьяхъ поддерживалась не только начальной лѣтописью и народными преданіями, но и мѣстными и вещественными памятниками: могилами (Олега, Игоря; перевѣсищами Ольги, и проч.) и «портами» (одеждами и вооруженіемъ) первыхъ князей, «еже бяху повѣшали в церквахъ святыхъ на память собѣ» (въ Кіевѣ, подъ 1203 г.). Извѣстные припѣвы Слова о рѣкѣ Дунаѣ находятъ себѣ прекрасное объясненіе въ южныхъ лѣтописяхъ, въ которыхъ еще въ 1240 г. военныя дѣйствія Татаръ простираются до Дуная, какъ раньше частые походы Половцевъ и самихъ русскихъ князей, сажавшихъ «посадниковъ по Дунаю, въ подунайскіе города» (напр. гг. 1116, 1144, 1159, 1162, 1187, 1192 и т. д. въ Ипатьевской лѣтописи). Особенно замѣчательно скопленіе краткихъ разсказовъ о дѣйствіяхъ на Дунаѣ и на Дону подъ 1116 г., когда Ярополкъ, сынъ Мономаха, взялъ три половецкихъ города на Дону (вѣроятно, города русскіе, отошедшіе къ Половцамъ по захвату, какъ Тмуторокань), а Вячьславъ ходилъ на Дунай; в. кн. Владиміръ Мономахъ «посажа посадники по Дунаю», и въ тоже время «два дни и двѣ нощи бишася с Половци и с Торкы и с Печенѣги у Дона». Такъ и въ Словѣ о П. И. битвы на Дону сливаются съ воспоминаніями о Дунаѣ (въ припѣвахъ, въ плачѣ Ярославны).

Но рядомъ съ устными преданіями, съ народной поэзіей, съ вѣрованіями и историческими отношеніями, и лѣтописи и Слово отражаютъ чисто литературныя вліянія. Лѣтописцы проявляютъ начитанность не только въ библіи, въ твореніяхъ св. Отцовъ, въ хроникахъ, въ апокрифахъ и повѣстяхъ, но и въ Пчелѣ (лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго подъ 1186 г.), и даже въ Гомерѣ (Ипатьевск. лѣтопись, подъ 1233 г., если только отрывки изъ Гомера не цитовались лѣтописцами по антологическимъ или хронографическимъ переводнымъ или византійскимъ сочиненіямъ).

Г. Лонгиновъ иногда смѣшиваетъ книжные элементы лѣтописи съ народными и неправильно отрицаетъ всякое литературное вліяніе на Слово. Приведу прежде всего нѣкоторые примѣры перваго. На стр. 25 онъ говоритъ: «сколь велико было увлеченіе лѣтописцевъ трудовыми повѣстями, показываетъ похвала, обращенная однимъ изъ нихъ къ князю Рюрику Ростиславичу: нашея грубости писаніе прими, акы даръ словесенъ на похваленіе добродѣтелей, *пою ти пѣснь побѣдную*». (Ипат. 477—478). Эта выборка, безъ указанія пропусковъ, въ которыхъ находимъ, напр., слѣдующую связь: «отселѣ бо на брезѣ ставше, но на стѣнѣ твоего созданія пою ти пѣснь побѣдную, аки Маріамъ древле» (все это изъ Библіи) не имѣетъ никакого отношенія къ народной поэзіи и представляетъ выдержку изъ длинныхъ цитатъ лѣтописца изъ Библіи, (онъ и указываетъ: книги Моисея, пророка Исаію, и проч.). На стр. 56—57 приведены лѣтописныя притчи книжнаго характера (его же мѣрою мѣрить, измѣрить ти ся, и проч.). На стр. 32, прим. 4 выраженіе «и сущимъ въ морѣ и далече» имѣетъ непосредственное отношеніе къ извѣстной церковной эктеньѣ. Не будемъ останавливаться на книжномъ вліяніи въ Словѣ, примѣры котораго мы отмѣтили выше по изслѣдованію г. Лонгинова. Отмѣчу еще ошибку у автора разсматриваемаго изслѣдованія, на стр. 119, прим. 3, въ которомъ списокъ Лаврентьевской лѣтописи 1377 г. признается «погибшимъ Пушкинскимъ» (т. е. Мусина-Пушкина спискомъ) и указывается «другой варіантъ» Поученія Мономаха (?!). Сошлюсь на предисловіе къ изданію Лаврентьевской лѣтописи 1872 г., въ которомъ на стр. VIII замѣчено: «Лаврентьевскій списокъ былъ поднесенъ Императору Александру I гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, издавшимъ изъ рукописи Поученіе Владиміра Мономаха. Эта рукопись именуется Пушкинскимъ спискомъ».

Обращаюсь теперь къ изысканіямъ г. Лонгинова о нѣкоторыхъ князьяхъ, упоминаемыхъ въ Словѣ (Всеславъ, Мстиславичи, Глѣбовичи) и открываемыхъ авторомъ разсматриваемаго изслѣдованія въ загадочныхъ выраженіяхъ Слова (Владимиръ

Мономахъ, Всеволодъ, Изяславъ). Авторъ недаромъ назвалъ свое изслѣдованіе «историческимъ», несмотря на очевидное пристрастіе къ миѳологическимъ разысканіямъ, такъ какъ старался свести ихъ къ историческимъ выводамъ. Отсюда въ лицѣ Трояна онъ, по слѣдамъ нѣкоторыхъ предшествующихъ изслѣдователей, указываетъ Владиміра Мономаха и совершенно самостоятельно отмѣчаетъ въ лицѣ «Даждь-Божа внука» в. кн. Всеволода, а въ лицѣ «великаго Хорса» — в. кн. Изяслава. Я уже упомянулъ о томъ, что авторъ видитъ въ Словѣ глубокую миѳологическую основу, между прочимъ въ героической генеалогіи князей отъ языческихъ боговъ. Рядомъ съ этимъ онъ открываетъ въ образныхъ выраженіяхъ Слова символическія и аллегорическія изображенія дѣйствительности. Такимъ путемъ г. Лонгиновъ открываетъ: въ 10 соколахъ, напускавшихся на стадо лебедей (тогда пущашеть...) — 10 воиновъ-богатырей, избивавшихъ цѣлыя войска враговъ (стр. 38—39); въ лебединыхъ *крыльяхъ* обиды, которыми она заплескала у синяго моря — отряды сторонниковъ крамольнаго Тмутороканскаго князя Олега; Половцевъ, составлявшихъ крылья или плещи его войска» (131 стр.); въ «сулицахъ лядскихъ и щитахъ Ярославичей и Мстиславичей — оружіе польскихъ дружинъ, какъ войскъ вспомогательныхъ, по союзу съ польскими князьями» (стр. 204), и проч. (стр. 190, 197, 200: «дебрь кисаня есть символическое изображеніе той *жирной печали*, которая затопила русскую землю»). Иногда путемъ раскрытія аллегоріи, авторъ въ одномъ и томъ же образномъ выраженіи Слова указываетъ три разныхъ явленія. Такъ, напримѣръ, въ выраженіи «до куръ» Тмутороканя онъ видитъ: или титулъ *куръ* вмѣсто *киръ* — господинъ, или куролесника, озорника Боняка, или его полководца князя Курю, или, наконецъ, куроновъ (корсь), до земель которыхъ простирались на сѣверѣ колоніи полочанъ (стр. 154). Вотъ здѣсь-то и отозвалось особенно гибельно на изслѣдованіи г. Лонгинова его невниманіе къ широкимъ сравненіямъ Слова съ народной поэзіей. Но я продолжу разборъ изысканій автора о князьяхъ. Замѣчу прежде всего, что

подъ Глѣбовичами (въ обращеніи къ в. кн. Всеволоду: «ты бо можеши по суху живыми шереширы стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы») нельзя разумѣть Рязанскихъ князей Романа, Игоря, Всеволода и Владимира, какъ хочетъ доказать г. Лонгиновъ на стр. 7, такъ какъ по лѣтописи (напр. Лаврентьевск. 1177, 1187 гг.) и Глѣбъ Рязанскій и его дѣти находились постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ съ в. кн. Всеволодомъ; только въ 1183 г. они участвовали въ походѣ на Болгаръ, но и тутъ отличился Изяславъ Глѣбовичъ, и лѣтопись говоритъ только объ его подвигахъ. Поэтому, я присоединяюсь къ болѣе правильному, на мой взглядъ, заключенію Д. И. Иловайскаго (Исторія Россіи, Владимірскій періодъ, ч. II, 227 стр.), что подъ Глѣбовичами Слова о П. И. должно разумѣть не Рязанскихъ Глѣбовичей, а— Изяслава Глѣбовича и Владимира Глѣбовича Переяславскаго, упоминаемаго и въ Словѣ и въ лѣтописи съ сочувствіемъ.

Отождествленію Владимира Мономаха съ Трояномъ Слова посвящена почти вся вторая глава изслѣдованія г. Лонгинова, въ которой онъ старается доказать, что «вѣчи Трояна» и «седьмой вѣкъ Троянь» надо понимать по отношенію къ жизни Владимира Мономаха (стр. 120—121), что «земля Трояна» — Черниговское княжество, которое отнялъ у Владимира Мономаха Олегъ, «зачинщикъ обиды» (136), а «тропа Трояна»—побѣдные походы Владимира Мономаха чрезъ Половецкія степи на Кіевскія горы (113—114). Чтобы показать, какъ шатки при этомъ нѣкоторыя основанія г. Лонгинова, я остановлюсь «на седьмомъ вѣцѣ Трояни». Слѣдуя Тихонравову и друг., присоединявшимъ послѣднее выраженіе къ предшествующему, «которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкой на седьмомъ вѣцѣ Трояни», г. Лонгиновъ указываетъ на знаменательное отношеніе перваго нападенія Половцевъ на Русь въ 1061 г. съ годомъ рожденія Владимира Мономаха въ 1053 г. Но еще ближе это числовое отношеніе съ годомъ смерти великаго князя Ярослава въ 1054 г. Въ такомъ случаѣ выраженіе — «Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля», соотвѣтствующее слѣдующему выраженію — «были

плъци Олговы, Ольга Святьславича», представляетъ Трояна тожественнымъ съ Ярославомъ. Въ самомъ началѣ Слова о Полку Игоревѣ говорится уже о пѣсняхъ въ честь Ярослава стараго; затѣмъ Всеславъ «расшибе славу Ярославу» въ Новгородѣ и наконецъ въ извѣстномъ загадочномъ выраженіи Слова: «рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца», несомнѣнно, говорится о «старомъ времени Ярославли». Для тѣхъ изслѣдователей Слова, которые подъ «старымъ Владимеромъ» разумѣютъ Владимира Мономаха, а не Владимира Св., «лѣта Ярославля» представляются древнѣйшими. Мы не стоимъ за это сближеніе и приводимъ его только въ противовѣсъ сооображеніямъ г. Лонгинова, высчитывающаго 7 вѣкъ = годъ отъ рожденія Мономаха до перваго нашествія Половцевъ. И ранѣе г. Лонгинова указывали на Владимира Мономаха для объясненія «стараго Владимера» и «Трояна» Слова; но никто не искалъ разгадки всѣхъ затрудненій при изученіи Слова въ одной эпохѣ Владимира Мономаха и въ его личности, какъ это провелъ въ своемъ изслѣдованіи г. Лонгиновъ. Этой исключительной задачей и объясняется невниманіе автора къ разбору всѣхъ интересныхъ въ историческомъ отношеніи обращеній «пѣвца Слова» къ князьямъ (стр. 202). Укажемъ главные выводы г. Лонгинова объ отношеніи Владимира Мономаха къ Слову о Полку Игоревѣ. Боянъ является исключительно пѣвцомъ Мономаховой эпохи (29 стр.); всѣ его «припѣвки», къ числу которыхъ, вслѣдъ за Ѳ. И. Буслаевымъ (Историч. Очерки Русской народной Словесности I т.), г. Лонгиновъ относитъ и такія выраженія Слова, которыя не сопровождаются указаніемъ на Бояна, — онъ объясняетъ непосредственнымъ отношеніемъ къ эпохѣ Владимира Мономаха. Такъ, напр., по поводу выраженій: «комони ржуть за Сулою» и «по Рсіи и по Сули грады подѣлиша», г. Лонгиновъ выбираетъ изъ лѣтописей всѣ мѣста, въ которыхъ упоминается Сула въ эпоху Мономаха (стр. 31—33), причемъ многія изъ этихъ мѣстъ не имѣютъ прямого отношенія къ разсматриваемымъ выраженіямъ Слова. Стремленіе автора дѣлать изъ сближеній Слова и лѣтописей са-

мые широкіе выводы проявляется въ сближеніяхъ извѣстныхъ лѣтописныхъ рѣчей Владиміра Мономаха (подъ 1097 и 1103 гг. въ Ипат. лѣт.) съ описаніями бѣдствій русской земли отъ половцевъ и княжескихъ крамолъ по Слову о Полку Игоревѣ, причемъ г. Лонгиновъ видитъ въ Словѣ «перефразировку» изъ лѣтописи (стр. 137). Еще менѣе основаній признавать въ «Трояновой землѣ» Слова — Черниговъ, уступленный Мономахомъ Олегу Гориславичу (136). Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что, слѣдуя г. Гонсіоровскому, г. Лонгиновъ признаетъ «Гориславличей» особо отъ Олега (стр. 127 «Олегомъ и другими Гориславличами», стр. 135 «обиды, насѣянныя Гориславличами», стр. 150 «всѣ язвы наковинныхъ Гориславличами крамолъ»). Конечно, это отдѣленіе знаменательнаго эпитета отъ Олега не имѣетъ за себя прочныхъ основаній. Обиліе прозвищъ «Гориславъ», «Горислава» у русскихъ и вообще у славянъ съ древнѣйшихъ временъ можно видѣть хотя бы, напр., по «Славянскому Именослову» Морошкина, 1867 г., стр. 62. Нельзя не припомнить здѣсь и извѣстнаго разсказа въ Лаврентьевской лѣтописи, подъ 1128 г. о Полоцкой «Гориславѣ», женѣ великаго князя Владиміра I, со словъ «вѣдущихъ» (черезъ 150 лѣтъ послѣ событія), въ объясненіе того, почему «мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлимъ внукомъ». Этотъ легендарный разсказъ съ тенденціей имѣетъ значеніе и для опредѣленія историческаго значенія нѣкоторыхъ деталей Слова о Полку Игоревѣ, не сходящихся съ лѣтописями. Въ виду этого едва-ли можно дѣлать такіе историческіе выводы изъ всѣхъ подробностей Слова, какъ это дѣлаетъ г. Лонгиновъ. Поэтому мы не можемъ согласиться съ нимъ въ приписываніи Владиміру Мономаху и его времени всѣхъ указаній Слова на прошлыя событія до похода Игоря Святославича въ 1185 г.

Еще менѣе основаній признавать солнечную божественную генеалогію князей, начиная съ Дажь-Бога — Владиміра I (150 стр.), Дажь-божьяго внука — великаго князя Всеволода Ярославича (141 стр.), Хорса — великаго князя Изяслава (163 —

165) и до Игоря Святославича, отнесеннаго г. Лонгиновымъ къ солнечной системѣ Трояна (177 стр.). Кромѣ отдаленныхъ сближеній Слова съ лѣтописями, г. Лонгиновъ пользуется еще предположеніями, догадками. Вотъ, напр., какъ онъ старается доказать, что Всеславъ полоцкій перерыскивалъ путь великому Хорсу—солнцу, подъ которымъ разумѣется великій князь Изяславъ: «Лѣтописецъ не записалъ часа, когда совершилась катастрофа (т. е. когда великій князь Изяславъ бѣжалъ изъ Кіева въ Польшу, а Всеславъ, освобожденный изъ «поруба» Кіевлянами, сдѣлался великимъ княземъ), но, по смыслу былины, рѣшительный переломъ наступилъ до солнечнаго восхода» (стр. 156). Во всемъ разсказѣ Слова о Всеславѣ полоцкомъ г. Лонгиновъ видитъ отраженіе «былины, начинающейся прыжкомъ Всеслава къ Кіеву и кончающейся побѣдой Всеслава надъ Изяславомъ на поприщѣ соревнованія» (стр. 164), отраженіе «миѳа о единоборствѣ солнца съ волкомъ» (стр. 158).

Изъ всѣхъ этихъ соображеній автора разсматриваемаго изслѣдованія о князьяхъ заслуживаетъ вниманія только разборъ отношенія нѣкоторыхъ мѣстъ Слова къ Владиміру Мономаху и нѣкоторыя объясненія отдѣльныхъ выраженій Слова. Дѣйствительно, Владиміръ Мономахъ, котораго лѣтописи называютъ въ XII—XIII вв.: «великій» (Новгор. I, 1125 г.; Лаврент. 1176 г.; Ипатьев. 1140, 1149 гг.), «прослувый въ побѣдахъ» (Лавр. 1125 г.), «страшный поганымъ» (Ип. 1126 г.), «погубившій Половцевъ, пріемшій землю ихъ всю» (1201 Ип.), долженъ былъ играть выдающуюся роль въ сказаніяхъ и пѣсняхъ о половецкихъ нашествіяхъ и княжескихъ крамолахъ, наступившихъ при внукахъ Мономаха и при Святославичахъ. Но нельзя всѣ преданія «стараго того времени» въ Словѣ объяснять однимъ временемъ Мономаха и его личностью. Если взвѣсить отношенія отдѣльныхъ предложеній въ Словѣ, ихъ складъ, если принять во вниманіе значеніе отдѣльныхъ повторяющихся выраженій, то нельзя, кажется, не признать справедливость того мнѣнія, по которому подъ «старымъ Владиміромъ» можно разумѣть великаго

князя Владимира I Святого. Приведу въ подтвержденіе этого мнѣнія нѣкоторыя собственныя соображенія. Авторъ Слова называетъ «старымъ»—Ярослава I, а въ извѣстномъ мѣстѣ—«*того* стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити (можетъ быть, здѣсь пропущено слово: «стязи», ср. ниже) къ горамъ Кіевскимъ[1]); *сего* бо (очевидно, разумѣется другой Владимиръ, т. е. Мономахъ) *нынѣ* сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы»,—въ первомъ случаѣ разумѣетъ Владимира I. Едва-ли бы подходило къ Владимиру Мономаху опредѣленіе Слова, предшествующее приведенному выраженію — «того стараго Владиміра» — «помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей». Только Владимиръ I и Ярославъ I, а никакъ не Владимиръ Мономахъ, умершій всего за 60 лѣтъ до похода Игоря, могли считаться въ концѣ XII вѣка «старыми». Не могу также не видѣть въ приведенномъ мѣстѣ двухъ Владимировъ—«того» и «сего», принимая во вниманіе проведенное во всемъ Словѣ различіе въ употребленіи этихъ мѣстоименій. Приведенное мѣсто въ отмѣченномъ выраженіи «нынѣ» представляетъ соотвѣтствіе съ началомъ Слова: «почнемъ повѣсть сію отъ стараго Владимера до *нынѣшняго* Игоря». Можетъ быть, и въ Троянѣ справедливѣе будетъ видѣть отношеніе къ «старымъ первымъ князьямъ» до Ярослава I. Но объ этомъ я буду говорить подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, въ продол-

---

[1]) Не входя въ подробности укажемъ здѣсь нѣкоторыя небезынтересныя данныя для объясненія этого намека Слова на монументальныя и вещественныя воспоминанія о Владимирѣ I Св. У Карамзина въ Ист. Госуд. Росс., примѣч. къ I т., 136 приводится свидѣтельство Дитмара (Chronicon въ концѣ VII кн.) о монументѣ Владимира I, который стоялъ посреди церкви подлѣ гробницы супруги его. Наши лѣтописи упоминаютъ о мечахъ и стягахъ — знаменахъ, которые ставились на могилахъ и гробницахъ князей въ церквахъ (напр. подъ 1137 г. Тверск. лѣт. П. С. Р. Л. XV т., 200 стр. въ Псковѣ надъ могилой кн. Всеволода Мстисл. въ церкви «поставиша его мечь, иже и донынѣ стоитъ, видимъ всѣми»). Выше мы уже привели (стр. 52) свидѣтельство лѣтописей о вооруженіи и одеждахъ «старыхъ» князей (какъ Владимиръ I, Ярославъ I), которыя вывѣшивались въ церквахъ на память о князьяхъ. Вѣроятно, въ разсматриваемомъ мѣстѣ Слова намекается на утрату вслѣдствіе вражескихъ вторженій въ Кіевъ (напр. Половцевъ) подобныхъ монументальныхъ и вещественныхъ воспоминаній о Владимирѣ I.

женія моей печатной работы о «Словѣ о Полку Игоревѣ». Я упомянулъ, что въ разсматриваемомъ отдѣлѣ изслѣдованія г. Лонгинова встрѣчаются отдѣльныя удачныя объясненія отдѣльныхъ выраженій Слова, напр. «стружія» (стр. 157—158), какъ древка, стержня хоругви, а не копья, какъ думали прежде. Г. Лонгиновъ удачно основываетъ при этомъ одно изъ главныхъ доказательствъ своего толкованія на параллельномъ мѣстѣ Слова: «бѣла хоруговь, сребрено стружіе храброму Святъславличу». Болѣе или менѣе основательно объяснены выраженія «хинова» (77—81), «жребій» (19), «древо» (48), «голова» (64), и др.

Къ числу такихъ же болѣе или менѣе вѣроятныхъ объясненій автора относятся его соображенія и доказательства о народахъ и мѣстностяхъ, упоминаемыхъ въ Словѣ, какъ напр. объ отношеніи Курска, курянъ къ Новгородъ-Сѣверску (стр. 179 и д.). Но за то никакъ нельзя согласиться съ объясненіями автора «деремелы и кощея» изъ такихъ словъ, какъ «изверги, калъ, дерьмо» (81 стр.), «кощунникъ» (81 стр.). Я не сомнѣваюсь въ томъ, что подъ Деремелой можно разумѣть литовское племя (позволю себѣ указать здѣсь на литовское слово «drimelis,—io» Lümmel, какъ переводитъ Куршатъ «Wörterbuch der Litauischen Sprache»; ср. еще у него же «derejimas — ein Bund, das Dienen, и проч. Деремела = drimelis соотвѣтствовала бы другимъ выраженіямъ Слова, въ родѣ «Тьмутороканскій блъванъ, поганый Половчине», и проч.), а подъ «кощеемъ» — названіе работника въ одномъ изъ тюркскихъ языковъ (ср. у меня въ «Словѣ о Полку Игоревѣ», 1894 г., вып. 1, стр. 36). Къ сожалѣнію, въ извѣстномъ половецкомъ словарѣ «Codex Cumanicus» (по изд. гр. Куun'а и акад. Радлова) нѣтъ соотвѣтствующаго слова въ томъ же значеніи.

Что касается мѣстныхъ названій въ Словѣ, то къ числу неудачныхъ объясненій г. Лонгинова надо отнести его толкованія «Немиги» и «Каялы», какъ нарицательныхъ названій съ переноснымъ значеніемъ: «Немига, Немиза — Немезида (стр. 170); Каяла — мѣсто пытки, казни, или суженое мѣсто» (стр. 232).

Страсть къ аллегорическимъ толкованіямъ приводитъ автора къ произвольному сопоставленію даже Бояновскаго выраженія «ни птицю горазду» съ «намекомъ на рѣку Птичу южнѣе г. Минска», на которой, по предположенію автора, находились и «Дудутки»— нынѣшнее село Дудичи (стр. 170).

Прежде чѣмъ перейти къ разбору переложенія Слова г. Лонгиновымъ, я возвращусь къ упреку, высказанному мною выше: почему авторъ разсматриваемаго изслѣдованія не обратилъ должнаго вниманія на изученіе Слова въ связи съ народной поэзіей, почему не разграничилъ элементы историческіе въ Словѣ отъ поэтическихъ? Я думаю, что это произошло отъ того, что авторъ своеобразно понялъ задачу изслѣдованія Слова со стороны исторіи и миѳа, понимая подъ послѣднимъ «литературныя основы» Слова, «поэтическія красоты» (1—4 стр.). Но и эти послѣднія, какъ я указалъ выше, авторъ постарался свести къ историческимъ выводамъ. Такимъ образомъ, авторъ совершенно упустилъ изъ виду черты народной поэзіи въ Словѣ, начиная съ условныхъ эпитетовъ, параллелизма, склада рѣчи до расположенія всего Слова и отдѣльныхъ частей его по запѣву,—приступу и заключенію съ славой, по рѣчамъ Игоря, Святослава, бояръ, рѣки Донца, по предзнаменованіямъ и сопутствующимъ природнымъ явленіямъ несчастному походу Игоря и возвращенію его изъ плѣна, по истолкованію сна Святослава, по плачу Ярославны и возвращенію ея мужа. Стоитъ только припомнить условныя опредѣленія времени въ народной поэзіи, условныя изображенія битвъ въ образахъ пира, свадьбы, земледѣльческихъ работъ, условнаго появленія не только животныхъ, но и такихъ существъ, какъ «обида», «дивъ» языческія божества, чтобы удержаться отъ соединенія всего этого съ историческими подробностями, отъ одинаковаго истолкованія тѣхъ и другихъ. Я позволю себѣ привести здѣсь болѣе или менѣе выдающіеся примѣры сопоставленій Слова съ русской народной поэзіей, ограничиваясь немногими примѣрами, подобранными мною самостоятельно, и сошлюсь на нѣкоторые примѣры, указанные въ трудахъ, посвя-

щенныхъ изученію Слова въ связи съ русской народной поэзіей. При ссылкахъ на послѣднее изданіе «Русскихъ былинъ старой и новой записи, подъ редакціей акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ѳ. Миллера», 1894 г., я буду сокращенно отмѣчать «Р. Б.» и страницы.

Остановимся прежде всего на условныхъ опредѣленіяхъ времени и мѣста. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ встрѣчаемъ, между прочимъ, такія опредѣленія времени: *тогда* (тогда Игорь възрѣ на солнце; тогда въступи Игорь въ златъ стремень; тогда при Олзѣ Гориславличи; тогда по русской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть); съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта; си ночь съ вечера, всю ночь съ вечера; прысну море полунощи, комонь въ полуночи; скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи; другого дни вельми рано, давечя рано предъ зорями, Ярославнынъ гласъ *рано* кычеть; бишася день, бишася другой, *третьяго* дни, — темно бо бѣ *въ третій* день, и проч. Укажемъ еще хотя нѣкоторыя подобныя же опредѣленія мѣста въ Словѣ: *ту* (ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти; ту ся брата разлучиста, — ту кроваваго вина не доста, ту пиръ докончаша русичи; ту нѣмци и венедици, ту греци и морава; не бысь ту брата Брячислава; ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата); въ полѣ незнаемѣ (Игорь поѣха по чистому полю, дремлетъ въ полѣ гнѣздо, въ полѣ безводнѣ, чресъ поля на горы, конець поля половецкаго) среди земли Половецкыи; въ Кіевѣ на горахъ, къ горамъ кіевскимъ; на брезѣ синему морю, и проч. Приведу теперь соотвѣтствующіе примѣры изъ народной поэзіи: «зазвонили честну раннюю заутреню, — Читали третью каоизму воскресенскую. Еще ѣдетъ осударь по чисту полю». Р. Б., стр. 10; «На зарѣ-то было, зарѣ утренней, На разсвѣтичкѣ свѣту бѣлаго, На восходѣ-то солнца яснаго, Отъ сна Илья пробуждается» (Кирѣевскій, Пѣсни, I, 7—8 стр.); «Бѣжалъ онъ день до вечера, Темную ночь до бѣла свѣта» (Тамъ-же, стр. 8—9), и т. п. Я не буду указывать всѣхъ положительныхъ хронологическихъ и топографическихъ выводовъ г. Лонгинова изъ подобныхъ услов-

ныхъ поэтическихъ опредѣленій Слова и отмѣчу, хотя бы, выводъ его изъ выраженія: «А древо не бологомъ листвіе срони»— (очевидно, просто: не къ добру)—«случилось это *осенью* 1185 г., когда деревья не по добру обнажились отъ листьевъ» (стр. 187); «каяльская битва кончилась между 9—10 час. утра. Надо полагать, что, при обращеніи къ солнцу съ нѣжными укорами въ немилости къ ладѣ, Ярославна была озарена(?) его лучами» (стр. 224); «неизвѣстно, — сколько времени протекло отъ выхода Игоря изъ своей палатки до свистка Лавра... Однако, слѣдуя указаніямъ Слова, можно полагать, что Игорь услыхалъ свистъ уже *ночью*» (стр. 225). На стр. 256, примѣч. 69, г. Лонгиновъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ своего изслѣдованія, замѣняетъ одинъ выводъ — другимъ, прежде высказанное предположеніе — новымъ: «А древо не бологомъ листвіе срони... Здѣсь вижу я указаніе не только на листопадъ, но и на понесенный Русью *уронъ* въ воинскомъ *строѣ*», и проч.

Если бы г. Лонгиновъ обратился къ изученію Слова въ связи съ русской народной поэзіей, то не придалъ бы рѣшающаго значенія такимъ выводамъ, какъ: «отношеніе Донца къ Игорю и Стугны къ Ростиславу Огоновскій сравниваетъ съ отношеніемъ р. Скамандра къ Троянцамъ въ Иліадѣ» (стр. 67). Все это приводится въ доказательство того, что «авторъ Слова изучалъ Гомеровскія книги» (стр. 66). А, между тѣмъ, въ русской народной поэзіи находимъ множество примѣровъ подобныхъ разговоровъ съ рѣками, происхожденіе которыхъ надо искать, конечно, не въ Иліадѣ Гомера, а напримѣръ: въ былинѣ «Молодецъ и рѣка Смородина» у Гильфердинга, въ Онежскихъ былинахъ, № 262:

Онъ взмолился-де рѣчки Смородинки:
 «Ай-же ты матушка черная рѣчка Смородинка?
 «Есть-ли черезъ тебя, рѣчка, переходы ты узкіе...».
Да отвѣтъ держитъ рѣка ему Смородина:
 «Ай ты удалый дородній добрый молодецъ» и проч.

Въ былинахъ о Садкѣ (напр. по «Древнимъ Россійскимъ сти-

хотвореніямъ» № XXVI), Садко разговариваетъ съ Волгой, съ Ильмень-озеромъ; въ 5 вып. Пѣсенъ, собр. Кирѣевскимъ (стр. 95), мы встрѣчаемъ подобный же разговоръ Марьи Юрьевны, бѣгущей изъ плѣна, съ рѣкой. Въ Псковской лѣтописи встрѣчаемъ подобный же разговоръ съ олицетвореннымъ городомъ: «о славнѣйшій граде Пскове, великій во градѣхъ, почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, или како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія», и проч.

Авторъ разсматриваемаго изслѣдованія, какъ ученый юристъ, извѣстный своими нѣсколькими историческими работами (Червенскіе города, 1885 г., Грамоты малорусскаго князя Юрія II, и проч. 1887 г. и друг.), часто останавливается на объясненіи отдѣльныхъ выраженій Слова, причемъ приводитъ любопытныя ссылки на древнерусскіе юридическіе и историческіе памятники (напр. стр. 156 по поводу: «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ города рядяше» — суды судить, ряды рядить). Но подобныя выраженія нерѣдко встрѣчаются и въ былинахъ и въ историческихъ пѣсняхъ, причемъ послѣднія дополняютъ даже значеніе этихъ выраженій: «Стань-ко (Илья) намъ суды судить, ряды рядить» (Рыбниковъ, III, 25); въ пѣсняхъ о Щелканѣ: «Сидитъ тутъ царь Азвякъ суды разсуживаетъ И ряды разряживаетъ... Шурьевъ дарилъ Городами стольными». Параллельное изученіе языка, склада и образцовъ народной поэзіи съ Словомъ удержало бы автора разсматриваемаго изслѣдованія отъ широкихъ миѳологическихъ обобщеній, отъ историческихъ выводовъ изъ послѣднихъ. Въ народной поэзіи мы видимъ нерѣдко перенесеніе древнѣйшихъ образовъ на позднѣйшія явленія. Отсюда уже не далеко до параллелизма, простого сравненія, украшающаго эпитета. Извѣстные образы Соловья-разбойника, Скима-звѣря переносятся въ былинахъ на короля и молодцевъ (Р. Б., стр. 123 и 138):

Още крыкнулъ-то король да громкимъ голосомъ,
Още крыкнулъ онъ да по звѣриному,

Още свиснулъ-то видь онъ да по змѣиному...
...И выходили молодцы на красно крыльцо,
Засвистали молодцы по соловьиному,
Заревѣли молодцы по звѣриному.

Конечно, въ Словѣ о Полку Игоревѣ, составленномъ авторомъ-христіаниномъ, но при сильномъ воздѣйствіи русской народной поэзіи въ ея древнѣйшемъ видѣ, должно было имѣть особенное значеніе это перенесеніе древнѣйшихъ образовъ на позднѣйшіе (старыхъ на нынѣшніе). Поэтому вполнѣ основательны извѣстныя толкованія «дѣвы-обиды» изъ соотвѣтствующихъ образовъ русской народной поэзіи, напр., изъ причитаній (впервые указано акад. А. Н. Веселовскимъ): «зла обидушка; Судинушка по бережку ходила, страшно-ужасно голосомъ водила, въ длани плескала, до суженыхъ головъ добералась; смеретушка; дѣвья красота съ лебедиными крыльями», и проч. Есть нѣкоторое основаніе и въ сопоставленіяхъ «Дива» Слова съ вилами, дивскимъ старѣйшиной, дивьякомъ змѣемъ по сербскимъ пѣснямъ (г. Халанскій, Рус. Фил. Вѣстн. 1893 г., № 2). Образный языкъ Слова полонъ олицетвореніями, не идущими часто далѣе уподобленія, какъ: «печаль тече, тоска разліяся, веселіе пониче, невеселая година встала, снесеся хула на хвалу, тресну нужда на волю», и проч. Все это можно найти и въ современной народной поэзіи; но я не буду входить во всѣ частности по этому вопросу и ограничусь еще двумя небезынтересными примѣрами изъ русской народной поэзіи для объясненія Слова.

Для объясненія сна Святослава и особенно конца его, испорченнаго въ передачѣ изд. 1800 г.: «бусови врани възграяху», и проч., не лишена интереса слѣдующая подробность изъ исторической пѣсни (Кирѣевскаго, 5 вып., стр. 97): князю Роману «мало спалось, много видѣлось, будто спалъ злаченъ перстень съ меньшова перста, и разсыпался на мелкія зёрнотка. Тутъ изъ далеча-далеча, изъ чиста поля прилетѣло стадо черныхъ вороновъ, расклевали мой злаченъ перстень». Княгиня объясняетъ ему сонъ.

Для насъ особенно интересно толкованіе «стада черныхъ вороновъ»—«наѣдутъ многи поганы Татарове». Несомнѣнно, такое же отношеніе должно существовать и между «вранами» Слова и погаными Половцами, по толкованію сна боярами Святослава. Въ другомъ мѣстѣ я буду подробнѣе говорить объ этихъ затруднительныхъ мѣстахъ Слова о Полку Игоревѣ. Еще Вс. Ѳ. Миллеръ привелъ нѣсколько южнославянскихъ пѣсенъ, въ которыхъ упоминается Троянъ; но, кажется, никто еще не обратилъ вниманія на слѣдующую русскую пѣсню, помѣщенную въ «Карманномъ Пѣсенникѣ» 1796 г., на стр. 161: «На разсвѣтѣ было въ середу, На дорогѣ на Траяновой». Конечно, это мѣсто можетъ нѣсколько относиться къ «тропѣ Трояновой», хотя и не объяснять самого Трояна.

Перехожу теперь къ переводу Слова о Полку Игоревѣ г. Лонгинова (стр. 235—248). И здѣсь я долженъ начать съ замѣчанія о томъ, что, къ сожалѣнію, при переводѣ не помѣщенъ текстъ Слова съ поправками автора, которыя надо искать или въ переводѣ, или въ разсыпанныхъ по изслѣдованію отдѣльныхъ замѣчаніяхъ. Отсутствіе оригинальнаго текста Слова о Полку Игоревѣ сказывается еще въ одномъ неудобствѣ. Г. Лонгиновъ раздѣлилъ свой переводъ Слова на стихи. Ниже я укажу на нѣкоторыя удачныя стороны этого дѣленія; но теперь долженъ замѣтить, что по дѣленію перевода, безъ оригинала, трудно судить объ основаніяхъ автора въ этомъ вопросѣ. На стр. 249 онъ говоритъ объ этомъ довольно неопредѣленно: «при самостоятельномъ раздѣленіи Слова на стихи я слѣдовалъ мѣрному теченію, плавности рѣчи пѣвца, тщательно оттѣняя ее тамъ, гдѣ она переходитъ въ *припѣвы*».

Остановимся сначала на взглядѣ автора на дошедшій до насъ текстъ Слова, на пріемахъ автора по возстановленію чтеній нѣкоторыхъ затруднительныхъ мѣстъ текста. Г. Лонгиновъ не раздѣляетъ взгляда тѣхъ ученыхъ, которые видятъ въ Словѣ пропуски и перестановки. По мнѣнію автора разсматриваемаго изслѣдованія, древній текстъ Слова «дошелъ до насъ въ довольно *полномъ* и *исправномъ* видѣ, по спискамъ, сдѣланнымъ, какъ надо

полагать, или конца XV, или XVI в.» (стр. 9); «текстъ Слова изданъ Мусинымъ-Пушкинымъ толково и съ весьма небольшими погрѣшностями» (стр. 8). Однако г. Лонгиновъ, оставивъ неприкосновеннымъ порядокъ рѣчи въ Словѣ, допустилъ много измѣненій въ пунктуаціи и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ и фразахъ Слова.

Для удобства я укажу сначала на текстъ Слова, которымъ пользуется авторъ разсматриваемаго изслѣдованія, затѣмъ отмѣчу выдающіяся измѣненія пунктуаціи и отдѣльныхъ выраженій въ Словѣ, причемъ остановлюсь на нѣкоторыхъ неосновательныхъ исправленіяхъ автора и предложу собственныя соображенія по исправленію текста Слова, и наконецъ скажу о характерѣ перевода г. Лонгинова, преимущественно о подборѣ словъ и выраженій.

Г. Лонгиновъ не указалъ на то, какимъ исправленнымъ текстомъ Слова предпочтительно онъ руководствовался; но изъ его цитатъ видно, что онъ часто пользовался исправленнымъ текстомъ Буслаева и Потебни (см. объ этихъ исправленіяхъ въ упомянутомъ первомъ выпускѣ моихъ лекцій о «Словѣ о Полку Игоревѣ», 1894 г., стр. 54—55); поэтому у г. Лонгинова находимъ слѣдующія отступленія отъ изданія 1800 г.: К*ы*евскимъ, с*н*а, старого (стр. 18); Касожьск*и*ми, Святъславлич*у*, помняшетъ (17 стр.); пох*ы*тимъ (стр. 54) и др. Но рядомъ съ этимъ исправленнымъ текстомъ г. Лонгиновъ приводитъ выдержки и по изд. 1800 г. Принявъ нѣкоторыя поправки въ разстановкѣ знаковъ препинанія въ Словѣ отъ предшественниковъ, г. Лонгиновъ предложилъ и нѣсколько самостоятельныхъ. Приведу послѣднія, причемъ въ скобкахъ отмѣчу пунктуацію изданія 1800 г.

Стр. 100: «не такъ оли (тако ли), рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожръши, — чужи ручьи (,) и стругы рострепа къ усту (?), — уношу: Князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ». Въ переводѣ г. Лонгинова это передано слѣдующимъ образомъ: «Не такъ лишь», сказалъ онъ, (учинила) рѣка Стугна: Худую струю имѣя, *пожравшая*, — Будучи чужими ручьями и

стержнямиasперта къ устью,—*Юношу:* князю Ростиславу затвори Днѣпръ, при темномъ берегѣ». Не входя въ разборъ всего этого мѣста, нѣсколько исправленнаго Козловскимъ, поправку котораго «*при* темнѣ березѣ» г. Лонгиновъ ввелъ только въ переводъ; однако, при этомъ, не принялъ другой поправки Козловскаго «простре» (Древности и Труды Московск. Археол. Общ., XIII т., II в., 12 стр.: «Не тако-ли рече-рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи, истругы простре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпрь? При темнѣ березѣ плачется мати», и проч.). Поправки Козловскаго, если къ нимъ прибавить и еще нѣкоторыя, имѣютъ за себя вѣскія научныя основанія; прибавлю еще, что «уношу» нельзя отдѣлять отъ «князю Ростиславу», какъ дѣлаетъ это г. Лонгиновъ, такъ какъ ниже въ этомъ мѣстѣ Слова о Полку Игоревѣ читаемъ: «плачется мати Ростиславя по уноши князи Ростиславѣ». Это такой же нераздѣльный эпитетъ, какъ: «буй туръ Всеволодъ, яръ туръ Всеволодъ, Кончакъ поганый кощей, раны Игоревы буего Святославлича, при Олзѣ Гориславличи».

Стр. 186 «А Святославъ мутенъ сонъ видѣ (:) въ Кіевѣ на горахъ». Эту поправку г. Лонгинова можно признать основательной, въ виду того, что начало разсказа Святослава о снѣ «си ночь съ вечера» повторяется въ концѣ разсказа: «Всю нощь съ вечера босуви врани», и проч. (стр. 189). Кромѣ того г. Лонгиновъ указываетъ на соотвѣтствіе съ запѣвомъ въ плачѣ Ярославны: «Ярославна рано плачетъ въ *Путивлѣ* на *забралѣ*».

Стр. 190 «И нѣгуютъ мя (;) уже дьскы безъ кнѣса» (стр. 241 «и упокояютъ мене уже доски безъ кнѣса»). Съ этой поправкой нельзя согласиться: 1) соединеніе предложеній «чръпахуть . . . . сыпахуть . . . и нѣгуютъ» соотвѣтствуетъ — «галици говоряхуть . . . хотять полетѣти», «красныя дѣвы въспѣша . . . поютъ время»; 2) «нѣгуютъ мя» только завершаетъ описаніе сна: «одѣвахуть паполомою, чръпахуть вино, сыпахуть великый жемчюгь» (здѣсь можетъ быть принята догадка г. Лонгинова, что Свято-

славъ видѣлъ себя во снѣ покойникомъ и всѣ эти образы — только части древняго княжескаго погребенія).

Стр. 196 «Въ *пламянъ розь* (.) жены Русскія въ сплакашась» («Въ пламенной розни жены русскія расплакались», стр. 240). Ничто не препятствуетъ читать, какъ принято: «смагу мычучи въ пламянѣ розѣ»; ср. «на синѣмъ море у Дону плещучи», «звонячи въ прадѣднюю славу», «лелѣючи корабли на синѣ морѣ». Поправка эта неосновательна.

Стр. 103—104 «Нъ роз(ь) и (ихъ) нося, имъ хоботы пашутъ (,) копіа. *Дѣвици* поютъ на Дунаи» (246 стр.: «Но, когда розно ихъ носятъ, имъ въ хвостъ и гриву дуютъ Копья (Дѣвицы) поютъ на Дунаѣ» . . .). Эта поправка также неосновательна. Общепринятая поправка съ 40-хъ годовъ (Дубенскаго) «розьно» вм. «рози нося» вполнѣ основательна.

Перехожу теперь къ исправленіямъ отдѣльныхъ выраженій и цѣлыхъ фразъ въ Словѣ. Г. Лонгиновъ, какъ я уже замѣтилъ, отвергаетъ необходимость допустить перестановки въ текстѣ Слова; но считаетъ вполнѣ возможнымъ, какъ и г. Барсовъ, раздѣлять слова (одни сокращать, другія восполнять) и дополнять ихъ, по палеографическимъ и филологическимъ соображеніямъ, недостающими буквами. Въ скобкахъ ставимъ чтенія Слова по изданію 1800 г.

Стр. 76 «почнутъ наю птицъ и (птици) бити». Переводъ, стр. 248: «почнутъ нашихъ птицъ и бить». Напрасно г. Лонгиновъ думаетъ, что нельзя переводить «наю» — насъ; нельзя переводить «вашихъ».

Стр. 77 «угрозы (до Дунаю. Грозы) твои (твоя) по землямъ текутъ». Въ лѣтописяхъ можно найти множество примѣровъ, какъ и въ самомъ Словѣ (Святъславь грозный Великый Кіевскый. Грозою бяшеть, и проч.), на частое употребленіе «гроза», какъ дѣйствія человѣка. Между тѣмъ г. Лонгиновъ и читаетъ и переводитъ послѣднее мѣсто Слова «угрозою» (стр. 240), а первое — имъ же исправленное «грòзы» (стр. 243) и въ 44 прим. къ первому мѣсту (стр. 254) указываетъ на употребленіе въ ак-

тахъ выраженія «гроза» вм. «угроза». Къ чему же тогда измѣнять это мѣсто Слова?

Стр. 129 «Вступи (Вступилъ) лъдѣвою (дѣвою) на землю Трояню». Переводъ на стр. 240: «вступила мерзкою на землю Трояню». Это нововведеніе г. Лонгиновъ основываетъ на различныхъ филологическихъ и миоологическихъ выводахъ, которые не выдерживаютъ критики. Нѣтъ никакихъ основаній «олядѣвать, лядина = terra inculta», «лодаръ» связывать съ этимъ впервые выставляемымъ словомъ «лъдѣва». Нѣтъ и препятствій видѣть въ одномъ изъ народныхъ образовъ дѣвы — существо враждебное, представительницу злого начала (ср. у г. Лонгинова, стр. 130—132 «воплощеніе злого начала — обиды въ дѣву. . . безъ присоединенія соотвѣтственнаго эпитета, было бы, кажется, противно древнерусскимъ эпическимъ пріемамъ»).

Стр. 192—193. Совершенно новымъ и наиболѣе неудачнымъ исправленіемъ отличается слѣдующее затруднительное мѣсто Слова: «Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху Оу плѣсньска на болони, бѣша дебрь кисаню, И нес(л)о шлю(хъ) къ синему морю». Г. Лонгиновъ оправдываетъ эти прибавленныя буквы по догадкѣ не вполнѣ основательно: «несо» — форма невозможная и нисколько не походитъ на «земя, басловн», такъ какъ «л» въ этихъ послѣднихъ случаяхъ — результатъ смягченія губныхъ (мл, бл) и можетъ легко перейти въ j, или исчезнуть (мja = м'а; бja = б'а); изъ «несло» же не можетъ непосредственно явиться «несо». Затѣмъ, неудачны и толкованія: бѣша = бѣся, дебрь = юдоль, кисаню = квашнюю. Безъ сомнѣнія, въ «несошлю» (по изд. 1800 г.) только и можно видѣть «несоша ю» или «я».

Стр. 189 «Си ночь съ вечера одѣвахъ темя» (въ изд. 1800 г.: «одѣвахъ те мя»); на стр. 241 переведено: «въ сію ночь, съ вечера, одѣвалъ я темя, сказалъ онъ, черною пеленою на кровати перловой». Эта догадка принадлежитъ, собственно, Вс. Ѳ. Миллеру (см. о ней «Слово о П. И.», Е. В. Барсова, II т., 219 стр.),

но основательнѣе читать «одѣвахуть мя», какъ тутъ же «чръпахуть ми, сыпахуть ми».

Г. Лонгиновъ иногда, безъ всякаго внутренняго основанія, чисто механически, выдѣляетъ частицы и выраженія изъ словъ текста Слова 1800 г., напр. три раза выдѣляетъ «нъ» въ значеніи «однако»: 1) 237 стр. «не было, однако, на обиду порождено» = «не былонъ обидѣ порождено»; давно уже указано, что вм. «нъ» здѣсь должно читать «въ», или «къ»; 2) стр. 242 «однако, не честно вы одолѣли» = нъ нечестно; 3) стр. 246 «Ярославны, однако, голосъ слышится» = «Ярославнынъ гласъ слышитъ».

Стр. 63 и 244. Напрасно г. Лонгиновъ удержалъ чтеніе изд. 1800 г. «Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ... на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовьскыми мечи *и схотію на кровать, и рекъ*»; «онъ съ вожделѣнною, на кровать, — и рекъ». Е. В. Барсовъ (Слово о П. И., т. II, стр. 245) прекрасно, по нашему мнѣнію, разгадалъ одну часть этого темнаго мѣста: «на крови (а) тъй рекъ». Я бы предложилъ, съ своей стороны, читать «и схотію» = «и слово ту», какъ въ извѣстномъ мѣстѣ: «Рекъ Боянъ и ходы» = «рекъ Боянъ и слова» или «словеса». Ср. «Святославъ изрони злато слово. . . и рече». Палеографически можно объяснить сходство начертаній «л» и «х», «в» и «т» по рукописямъ, напр. по «Палеографическимъ снимкамъ Саввы, 1863 г. Дополненія, таблица VIII «алфавиты славянскіе разныхъ вѣковъ»: «х» и «л» 1493 г.; «в» 1623 г., «в» 1599 г.». Не буду останавливаться на возможности объяснить это чтеніе съ помощію подстановки лигатуръ и надстрочныхъ знаковъ. Г. Барсовъ перевелъ это мѣсто: «и съ Хотіемъ на крови, и тотъ проговорилъ». Этотъ «Хотій» совершенно лишнее лицо. По лѣтописямъ остроумное «слово» изрекается княземъ или «мужемъ смысленымъ» вообще по поводу извѣстнаго происшествія; поэтому я читаю: «и слово ту (или «то») на крови тъй рекъ»; «на крови той» = «на кровавѣ травѣ». На стр. 55—248 г. Лонгиновъ переводитъ «Рекъ Боянъ и ходы» — «рекъ

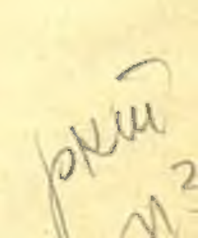
Боянъ и выходки на (сына) Святославова»; выходки — ходъ словесный, притчи (стр. 55). Это объясненіе произвольно.

Недостатки перевода г. Лонгинова проявляются и въ подборѣ словъ, такъ какъ онъ оставляетъ нѣкоторыя старинныя выраженія безъ перевода, или вводитъ самъ отчасти старинныя выраженія, отчасти діалектическія, или подыскиваетъ совершенно неподходящія слова. Удерживая выраженія оригинала, г. Лонгиновъ опирался на предпочтеніи «буквальнаго перевода» (стр. 21), на «стремленіи достигнуть полноты и возможной точности перевода, съ сохраненіемъ синтактическихъ пріемовъ древнерусскаго пѣсеннаго творчества, не пропуская ни одного слова, ни одной частицы, не позволяя себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ подлинника въ словорасположеніи» (стр. 249). Но эти строгія требованія вызвали непослѣдовательность. Съ одной стороны, мы читаемъ въ переводѣ г. Лонгинова: «стяги глаголютъ, червлеными щитами, златымъ шеломомъ, тоже звонъ (стр. 238); жирныя времена, печаль жирная (240); каютъ князя Игоря, вино съ трудомъ смѣшанное (241); храбрая мысль носитъ (въ) васъ умъ на дѣло (243); обвѣсился въ синемъ туманѣ» (245); съ другой стороны, находимъ такія отступленія: «слово — сказаніе, повѣсть — извѣстіе, рѣчь — молва, поостри — поощрялъ (235); къмети — ребята (236), блъванъ — пентюхъ, крычатъ телѣгы — рыпятъ телѣги (малоруссизмъ) (237); уже ты не Шеломянемъ еси — уже ты не верхомъ (а выше, 237 стр., тоже самое выраженіе переведено: «уже ты завершаешь»; впрочемъ, въ первомъ случаѣ г. Лонгиновъ не признаетъ необходимости замѣнить «не» — «за») (238); ратаи кикахуть — пахари кишкали, уедіе — проѣденье (239); смагу — пекло, се мое — сіе мое (240); жиръ вой — богатырей воиновъ, се бо — сіе вѣдь (значитъ) (241); кощей — кощунникъ, шереширы — выжигами (243); первѣе — наперво (245); кычетъ — кичится (246); нелюбія — непріятности» (247). Сдѣлаю еще двѣ-три замѣтки о нѣкоторыхъ филологическихъ пріемахъ автора. На стр. 218, прим. 3, переводя «потручати — потолочься», авторъ опирается на посред-

ственный Малорусско-Червонорусскій Словарь г. Пискунова, возводя «потручати» къ малорусскому «тручати» — толкать. Между тѣмъ нѣтъ никакой нужды въ этомъ малорусскомъ «тручати», такъ какъ и у Даля (Живой Словарь Великорусск. нар.) и у Миклошича (Lexicon palaeo-slov.) находимъ: «троутити — троушт҄ѫ», слѣдовательно, русское «тручу», отсюда «тручати»; «трутъ — трутить» въ значеніи «притупиться, изломаться, известись отъ труда тренія»; — слѣдовательно, къ саблямъ это гораздо больше идетъ, чѣмъ «потолочься». На стр. 168, передѣлывая «воззни стрикусы» въ «вожжни стрикусы — возжоными кольями», г. Лонгиновъ опирается на переходѣ *ж* въ *з*, между прочимъ, въ такихъ примѣрахъ, какъ «лязите — ляжьте»; но эти формы объясняются аналогіей формъ спряженія; что касается перехода *ж* въ *з*, то онъ имѣетъ мѣсто въ псковскихъ памятникахъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, не въ такихъ, какъ предполагаемое «вожжни» изъ «воззни». Г. Лонгиновъ не упоминаетъ въ этомъ случаѣ о палеографической поправкѣ Козловскаго: «вонзи», старосл. «въньзити — вонзить». Всѣ отмѣченные недостатки въ изслѣдованіи г. Лонгинова не исключаютъ, однако, возможности указать въ немъ и положительную сторону. Авторъ разсматриваемаго изслѣдованія не только внимательно изучилъ литературу предмета и указалъ нѣкоторые недостатки въ выдающихся изслѣдованіяхъ, но и присоединилъ къ изученію Слова о Полку Игоревѣ нѣкоторыя новыя данныя. Такъ, кромѣ многочисленныхъ сличеній Слова съ лѣтописями, онъ привлекъ къ изслѣдованію и другіе древнерусскіе памятники, какъ: «Слово неизвѣстнаго проповѣдника до-монгольскаго періода» (стр. 128—129), какъ различные переводные и оригинальные памятники литературы. Нѣкоторыя новыя чтенія г. Лонгинова, какъ уже замѣтилъ я выше, заслуживаютъ вниманія. Точно также заслуживаетъ вниманія и раздѣленіе Слова на стихи и особенно на части, такъ сказать — куплеты, заканчивающіеся припѣвами: «спискивая себѣ чести, а князю славы» (236—237 стр.); «за землю русскую» (235—239 стр.); «за землю русскую, за раны

Игоревы» (243—244 стр.), и много другихъ. Изслѣдованіе этихъ припѣвовъ въ связи съ другими сторонами пѣсеннаго склада Слова можетъ выяснить литературную сторону Слова. Наконецъ, въ разсматриваемомъ изслѣдованіи, при множествѣ объясненій отдѣльныхъ выраженій Слова, встрѣчаются нѣкоторыя новыя и удачныя толкованія.

Въ виду всего сказаннаго, принимая еще во вниманіе извѣстную трудность предмета, который подходитъ подъ пункты *а* и *б* § 9 Правилъ о преміяхъ А. С. Пушкина, я считаю изслѣдованіе г. Лонгинова заслуживающимъ почетнаго отзыва и даже, если комиссія найдетъ возможнымъ, — поощрительной преміи.

2007050613